

БОРИС ФИЛИППОВ

Бремя времени

Вашингтон

1961

БОРИС ФИЛИППОВ

Бремя времени

Стихи 1942—1961

Не в комнате, а в нем одном
(свет запредельный за окном)
сижу и словно каюсь.
Такой-то час, такой-то день —
в число любое миг одень,
к которому я прикасаюсь.

Андрей Николев

**Вашингтон
1961**

Все права сохраняются за автором

Copyright by author

Herausgeber: B. Filipoff, 1763 Columbia Rd., Washington 9, D.C.,
U.S.A.

Druck: Buchdruckerei I. Baschkirzew, München 8, Hofangerstr. 73,
Printed in Germany

Бремя времени

1.

Приложиться к холодному полу собора,
К снежной русской Софии Кремля:

— Отклони, Мать и Дева, топор приговора —
— Не готов я к ответу, Земля!

— Пусть не суд, не возмездье, не правда, а
жалость

— Озаряет Предвечный Престол:

— На душе непосильной свободы усталость, —
— Я — сожженный свободою ствол.

— Трудно вынести бремя свободы:

— Мы не Слова сыны, а природы ...

И в бесстенной, бескрайной пустыне собора
Я молюсь средь пожарищ Кремля:

— Отклони, если можешь, топор приговора —
— Не готов я к ответу, Земля ...

1942.

2.

Простужено захныкала шарманка,
И льется хриплая, унылая божба,
И чорт стирает пот с лоснящегося лба,
И тянет жребии слепая обезьянка.

А впереди все тот же обреченный путь:
Булыжник мостовых, дворов колодцы,
Отрава знания, любви пивная муть
И блекнувших надежд горбатые уродцы ...

1943.

3.

— «Мы на земле стоим обеими ногами», —
Да хочет ли держать нас Мать-Земля?
Не хочет? Ну, а мы веселыми руками
Воздвигнули хрустальный теремок.
И опускается тяжелая Десница,
И разлетается обдуманный чертог,
И улетает Огненная птица
Из стен расколотых стеклянного кремля . . .
В нас воля жить. А птица жить не хочет
И разметает битое стекло.
Три раза провещал рассветный кочет.
Уходит ночь. И на душе светло.

1944.

4.

— «Только опыта форма — время,
Только опыта форма — пространство . . . »
Непосильное — время — бремя
И тягчайшее постоянство.

— «Безусловно свободна воля,
Выбор наш, верь не верь, — произволен . . . »
О, какие смешные роли:
Я свободой своей тяжко болен.

... И все так же влачается душа —
Убивает глухое время . . .
Боже Правый! когда Ты порушишь
Непосильной свободы бремя?!

1945.

5.

Он брел, качаясь, сквозь века
По той же Невской перспективе,
И мутно-рыжая река
Звенела льдинами в разливе.

Он брел... Куда? Куда влекла
Его судьба? К какой невзгоде?
К какой неведомой природе
Он вырвался из-под стекла?

Лабораторный, не живой,
Но ветхо-юный, вечно-новый
Он умозрительной ногой
Влачит чугунные оковы.

А с ним, как отзвук, словно тень,
Его двойник, его товарищ, —
И меркнет нерасцветший день,
Ища души среди пожарищ...

1946.

6.

И все ж рождаешь ты, хотя и непонятно,
Как ты, растленная, еще рождаешь хлеб,
Источники воды и смуглые плоды
Для восполнения красы и ликованья,
Для исполнения заветов старины.
Ну, а теперь, теперь ведь все равно —
Ликуешь ли, скорбишь о недороде,

Тучнеешь ли от праха погребенных,
От крови городов и пепла долгих битв . . .
Ведь всё не для тебя, не для твоих детей,
А для разящего слепого силлогизма,
Строчащего на пищущей машинке
Очередной гуманности приказ.
И ты, жестокая в любви и зарожденье,
Смиряешься . . . но все-таки родишь.

1947.

7.

За окном вагона день:
Мне смотреть и думать лень.
За окном давно уж ночь:
Мчится поезд в ночь и прочь.
Ветер лает, рельсы ржут:
— Жизнь и смерть — напрасный
труд! —
Контролер скрипит: — «Билет!»
— В жизнь билет? А жизни нет,
Жизни нет, за гробом — ад...
Может лучше? — Вот билет! —
Рельсы ноют: — «Рад ты? Рад? —
Ада нет. И рая нет».

1949.

8.

Взметнулся огненный у сердца круг —
Он золото у ног своих увидел.
На тротуаре, под большой луной,
В движениях отчетливо-крылатых,
Плевок сиял монетой золотой
Среди домов тяжелых и богатых.

Виктор Мамченко.

Это было, сбылось и отбыло,
И опять пустотелое есть,
Все, что пело, что тело, что дело,
Что неслось, что пылало, что грело,
Словно прах, словно угли без пыла,
Словно жизни несбывшейся месть.

Разве это — призванье и честь?
Разве это призванье и лесть?

Это только шуршанье газеты,
Это только эстрада, где сесть
На конька из погасшей кометы
Может всякий охотник пролезть
В миродержцы, в вожди иль поэты,
Во властители временных дум.

Это только мучительный шум,
Это только плевок с небоскреба,
Это только распухшее нёбо
Старика-наркомана, —
Начало обмана, —
Это — жизнь.

1960.

9.

Там, в глубине таинственной колодца,
Звенит душа кристальною струей,
И наклоняется над срубом лиц уродца,
Вчерашний облик — незнакомый — мой.
Чуть сырого. Чуть свежо. И тянет губы
В сырую мглу мое в ч е р а -двойник.
В руке уродца брезжущий ночник:
Он тускло освещает темень сруба.
И снова всплеск. Коптилки брызнул свет,
И поглотила ночь лицо уродца.
Вчерашний облик (мой двойник — иль
нет?) —
Там, в глубине таинственной колодца . . .

1948.

10.

Б о р и с у Н а р ц и с с о в у

Пробьет твой час — и липкий сон на веки
Тотчас ниспустится в тот час навеки,
И только вздох, и только тяжкий крик —
И камнем станет лживый твой язык.
Не тихие стихи, а грузные грехи
Падут на медногулкие весы,
И брови Судии, как след сохи
И как отвал травы под взмах косы, —
Пересекутся гнева полосой.
А ты пред Ним, раздетый и босой,
Мешок дырявый, выстрел холостой,
Обездуховленный, тлетворный и пустой.

1960.

**Русь и Рассея —
оседлая и кочевая**

1.

ВЯЖИЩСКИЙ МОНАСТЫРЬ БЛИЗ НОВГОРОДА.

Мощи св. Евфимия, архиепископа Новгородского

Через грязь тащились колымаги
Воевод московских и бояр.
Расцветились муравой овраги,
Солнце по весне пьянее браги,
Лес узорней золотых татар.

Ладонны ладони у Евфима,
Звон малиновый колоколов,
Мед разымчивей близ черной схимы,
Шуба царская дориносима,
Гулка поступь государских слов.

Стройный белый лебедь монастырский,
Изумруд веселых изразцов . . .
Новгород горластый, богатырский
Бросил белый камень алатырский
На могилы вольности борцов.

Победительна Москва. Под спудом мощи.
Но Евфимий — он не московит! —
Властен и суров. Москва — она попроще . . .
Но московский звон несется в рощи,
Пташий лик ликует и звенит.

1942.

2.

Заржали полоротые холопы,
Визжит гармоника влюбленней, злей,
А в сердце перехлест кровавых змей
Картушей — и колонн двойные стопы.

Оскален рот у алчущей Европы,
Блестят зрачки ливийские камей —
Легенда светозарная камней
И густо позлащенных лестниц скопы.

О невозвратная расцветка дней!
Пролей на нас живительный елей,
Великий чудодей камней Растрелли!

И упокой средь боевых огней
В стране кровавых бурь, седых метелей
Цареубийц, юродов и детей.

1942.

3.

Вдоль аллей пылают георгины —
На прощанье солнце так легко, —
А кровавый ток кистей рябины
В воздухе парном, как молоко.

Осень, крепкая, как свежий дух аниса
Иль антоновки смеющийся квасок,
Убаюкай скучного Бориса
Под пчелиный солнечный басок!

1942.

4.

Вяжет бабушка платок.
Свечка догорает.
Блещет сказочный Восток.
Сладко кот зевает.
— Как вскричит Индейский царь:
— «Изволи жар-птицу!» —
И узором вьется старь
Про красу девицу.
Падают очки на стол.
За окошком вьюга.
Кот проснулся и завел
Песни о подругах.
Пленками прикрыл глаза,
Лапы месят тесто . . .
— И пришла к нему коза:
— «Я твоя невеста! . . .» —
А в углу трещит сверчок
Вперебой с часами . . .
Мильтый солнечный волчок,
Мильтый детства уголок
С кошками и псами.

1942.

5.

В жестокий мир ныряет поцелуй
Косноязычного слепого солнца . . .
Швыряет бас: — Н-но, Марья, не балуй! —
Огрызок сахара и чашка кверху донцем . . .
Свидетели необратимых лет —
Засиженные мухами альбомы!

И солнечная сонь, и томная истома,
И хриплый бас: — Брось... на людях не
след... —

Корявой радостью зевает зверь,
Хрустят в могучем пробужденье члены.
Горланит петел. И заныла дверь
Симфонию земли и ласку плены.

1949.

6.

Александру Котлину

Отплыл в седые кудри морей,
Ушел из сожженного дома.
Среди обугленных труб и жердей
Гнилая свисает солома.
Над старым храмом толпой воробыи,
Над морем распластаны чайки...
Не сбрасывай за борт родные репьи
Ударом перчатки из лайки!
Состарился серый досчатый забор,
Корабль отдыхает в гавани,
И в дальний нерусский холодный собор
Несут воробыи крикливыи укор —
Не сладко немое плаванье.
Увижу ль тебя в этот гулкий рейс,
Иль наши дороги не встретятся,
И твой сверлящий туманы цейс
Не поймает родного месяца?
Увижу, надеюсь. И вновь обойму
Соленый ветер, бродягу,
И вытряхну горьких стихов суму
В твою океанскую брагу.

1942.

7.

Сосновый дух в полене не остыл,
Кипит смола, звездою брызжет пламя,
Вздымаает вихрь волос кровавых знамя
И космы грив сиреневых кобыл.
В манерке теплится болота муть,
Костер шипит, сосна роняет слезы,
И кости жгут весенние морозы,
И в пустоту ведет проклятый путь . . .

1943.

8.

Ухожу в серебряные дали,
В зеркало спокойное реки.
Невод шелковый сплетают пауки,
Льются звуки зреющей печали.

Обнимаю города колени,
Припадаю к солнечным лучам.
Строгой ласкою встречает храм,
Освященный стоном песнопений.

Путедарная! Ты — Кормчий Корабля,
Вынеси меня в затишье встречи,
Дай услышать примиренья речи,
Одигитрия—Сыра Земля!

1943.

9.

Ставка бита. Дон-Кихот вздыхает:
Кончил невеселую игру.
Мать над сыном-призраком рыдает,
Старый крест хилится на юру.

... Что же, пусть: насильно мил не будешь:
Лучше смерть, чем правда-брадобрей.
Нож цырюльника вскрывает груди ...
Мельницы теорий, смейтесь злей!
Ну, кончай скорее, Банкомет! —
Ставка бита. Дон-Кихот умрет.

1944.

10.

... И дозором обходит луна —
Проверять боевые секреты,
И бродяжит по стеклам окна,
На полу рассыпая монеты ...

... Мерцает ночник. Коптит ночник.
А там, за мглою — враг,
И черной могилой зевает овраг,
Где брат мой под пулями сгиб.

Ушел в пустоту. Расстреляли в ночь.
Ушли партизаны прочь.
И в черную ночь убегает строй,
И штаб зияет пустой.

Молчит капитан: живой мертвец,
Он вспомнил жену, детей, —
И в рай омертвелых цыплячьих сердец
Закинул он дыряя сетей.

Кого поймаешь?! Расстрелян век,
И тщетно кричит капитан ...
— Ведь ты — мертвец, не человек,
Спеши же за скрипом родных телег,
Уводящих во вражеский стан ...

1944.

11.

Города, города, города,
Словно карточных домиков стадо . . .
Никому, никуда, никогда —
Ничего мне от жизни не надо.

По дорогам немецкой земли
Я влачу свою ветхую тачку,
И качаются кашки стебли,
Комары хороводят заплачку.

Никому, никуда, никогда —
Ничего мне от жизни не надо . . .
Деревень обозлившихся стадо . . .
Города, города, города . . .

1945.

12.

Предвечный Глас вострубит дважды,
И облечешься в ткань огня,
И росы гаснущего дня
Не охладят смертельной жажды.

Огонь целый, — гремят моленья,
И ты грядешь в бескрайний путь,
Чтоб на единое мгновенье
Бог посетил пустую грудь.

И Третий Глас: — «Восстань и внемли!» —
Прожжет взметнувшиеся земли,
Но ни молитва, ни трезвон
Не заглушат разлуки стон . . .

1946.

13.

Сгребают граблями иззябшую листву,
И медью с багрецом отсвечивает кожа, —
На златоглавую, бывалую Москву
Кровавой ржавчиной душа похожа.

А руки жилисты, в мозолях и рубцах,
Изведавшие плен, бесхлебицу изгнанья, —
И осень хрупкая хоронится в кустах:
Далекая Москва, надгробное рыданье . . .

1949.

14.

Ты цыганская, до отчаяю
Надоедчиво-липкая ширь —
Увидать тебя снова не чаю:
Лишь гитар перебор различаю:
Ширь — псалтырь — нетопырь — монастырь.

То бывало, сбывало, отбыло:
Жизнь несла напролом, вперекос,
Как в крови и в мыле кобыла,
Как в пыли и в пыле кобыла,
Как не то, что было как было,
Как еще не бессильная сила,
Как девичьи объятья взасос.

Эх, пошел, распошел, разгуляйся! —
Может, в пляске осталась душа? —
Попляши, погреши и покайся:
Губы вкровь, шопотком, чуть дыша.
. . . А потом — за чаем — скучаю:
Ты цыганская . . . до отчаяю . . .

1960.

15.

В квадрите тяжкой быстрые, как мысль,
И арка распахнулась, как живая, —
И ты вдыхаешь воздух юных лет,
Двадцати летний воздух, замирая

От спертости печальной голубой
Невыказа того, что народилось, —
Квадрита рвется в поднебесный бой,
И ангел с бурой закивал колонны.

О майский Питер, в пухе облаков
Обвалинный от цоколя до шпиля,
Невой улассанный, ты и теперь таков —
Корабль, гранитный от кормы до киля!

Квадрига тяжкая — и неба легкий пух,
И ты летишь в увей воспоминаний, —
А над Невой весны парящий дух —
И глаз слезящийся плещивых вздоханий.

1961.

16.

Нет, тебя мне не унять,
Совесть-жало, совесть-тать,
Совесть-дума, совесть мука,
Совесть-память, совесть-скуча . . .
От тебя я в темный лес —
По пятам за мною бес:
Шепчет: — Оглянись назад-ка:
Пусто? Темень? — Вот загадка! —
А за лесом — черный крест:

Не узнать родимых мест . . .
От тебя я в тихий храм —
Нет спасения и там:
Только теплится лампадка,
Молится старуха-мать . . . —
. . . Нет, тебя мне не унять . . .

1949.

Мимолетности

1.

В огне времен сгорит мой тихий голос,
И ветер разнесет обрывки слов,
В серебряном окладе Богослов
Благословит ржаной немудрый колос.
А слово шопотом уйдет домой —
В обутленную сумерками душу. —
Святую тишину я не нарушу,
Благая рожь, молчальник-домострой.

1949.

2.

Ленивая душа — и звезды-скрипки,
На небе бархатном полощется прелюд,
И вторит поездов полночный гуд,
А мысли тайные зарделись от улыбки.

Скрипит снежок, и поцелуй в дороге,
Как лужицу подернувший ледок, —
И вновь мелодии волнующий скачок,
И дирижер, застывший на пороге

Какой-то новой фразы.

1949.

3.

Журчит рояль докучно-говорливо, —
Такой обыденный, исхоженный мотив!
Хрустальный, ломкий, сладостно-тосклиwyй,
Уводит в прошлое отвоплощенный миф.

На голубых деревьях алые плоды,
И звезды сыплются с хвоста жар-птицы,
И поджигают океан синицы,
Но нет источника живой воды.

1949.

4.

Зачирикали, запиликали:
— «Я люблю, а меня ни...» —
Без пинтов мы горе мыкали,
Не поэмой меня помяни.

Опрокинь на помин рюмку водки,
Закуси хрустящим огурцом:
— Мы бывали с ним у молодки...
— Да и сам он был молодцом...

1960.

5.

Не заумь — ум. Не ум, а заумь.
Всё больше в жизни дважды два,
Пожалуй, пять. Пожалуй, камень
Заместо хлеба — сына для.

А в языке, а у поэтов
Всё те же дважды два — четы-
ре, или хлад и темень Леты,
Разлука любящей четы.

А, может, в этом смысл печальный?
Быть может, нужно иногда
Сказать не: «может быть, пожалуй...», —
А лишь отчетливое — «да».

1960.

6.

Цветок засохший, безуханный . . .

П у ш к и н

Вот получил. Не лепестки, а пыль.
Лишь стебелек топорщится засохший.
Была иль нет? То небыль или быль?
Клочок души, рукою перемогшей
В конверт засунутый. Скупые строчки. Два
Десятка букв. И роза из букета.
Пыль розы. Подпись — и едва-едва
Сквозящая оскомина привета.
Нет, небыль. Не прошло. Кровоточит.
И тлен цветка на паутине строчек.
И вместо букв — ряды безмолвных точек.
Да, не забыт. — Убит.

1960.

7.

Как отиск букв неведомых на поле
Иконы старой строгого письма,
Как память боли — ничего не боле —
Не ткань, не рвань, а тонкая тесьма.
Душа в крови. И кров души — не камень, —
Шатры кочевий отчих. Степь. Басма.
А письмена икон сжирает пламень —
Рубины букв прощального письма.
И память боли. Ничего не боле —
Чебрец на поле, русая коса . . . —
Уволь же, воля! Боль — задаток воли.
В степи приволья сумерек роса . . .

1960.

8.

Только так: всегда и всюду:
Он, она, любовь и смерть.
Ранний луч скользит по блюду,
Залита финифтью твердь.

Ну, а мы, простые люди,
Любим хруст ржаного хлеба,
Голубцы на свежем блюде
И в окне улыбку неба,

Поцелуй соленых губ,
Зычный рев победных труб
И вольготный и раздольный
Звон разгульный колокольный.

1961.

9.

Опять, опять. А снег все лепит.
И слышны далеко стихи —
Сквозь снег, сквозь океан, сквозь степи,
Былую радость и грехи

Бывалые, — гремят как трубы,
Прилипчивы как ураган, —
Целуют в губы, шепчут губы,
Гудит тоска, ревет орган

И замять снежная кружится,
И память, совесть и слова —
Удавка зол — любви вдова, —
И по ночам опять не спит-
ся...

1961.

10.

Далекий гул. Гремят о ребра волны,
Душа горит, крепчает душный ветр,
И мысли парусов, стремленья полны,
Опережают слов привычный метр.

Ну, что же, пусть. Насильно мил не будешь.
Обвал волны. Все стихло, чуть дыша.
И снова ветра пьяная безудержь
Полощет парус. Трепетна душа.

1961.

11.

Щемящий звук родимой песни —
Слова — невнятчицы, забыт давно язык, —
Арбата пыль, и с бубенцом по Пресне, —
Далекий сон и скорбный темный Лик.

Один лишь звук. Кругом чужие лица.
Ты больше непонятен никому:
Ни в торжище, ни на дому:
Но плачет звук — и хочется молиться.

1961.

12.

Полновесно пели — или цели
Ставя дальние на дальний срок,
Скрипке плачущей, скрипящей ели
Ветром задан песенный урок.

То не наша ель, но не чужая —
Тот же резкий кружевной каркас,
И глядит на нас, чуть вбок и не мигая,
Белки нищей неотрывный глаз.

1961.

13.

Есть в слове «расставанье» пустота:
Заплеванность тоскующих вокзалов,
Дорожных встреч скupая суeta
И гулкое «Счастливый путь!» бокалов.
Есть в слове «расставанье» красота:
«Присядем же», «Ну, с Богом!», «До сви-
данья!»

А иногда немая полнота:
«Прощай!» — и глаз невидящих рыданье . . .
Я не хочу сказать тебе «Прощай» . . .

1948.

14.

— Нет, живи, только живи! —
Всегда я
Ищу тебя в любой толпе,
Жду на перекрестках людных улиц
И в безлюдье одиноких переулков.
И хотя бы прошло много-много лет,
И совсем засеребрились ссохшиеся ви-
ски, —
Никогда не забудутся горькие губы
И торопливое расставанье:
— Нет, живи, только живи!

1961.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Бремя времени

1. Приложиться к холодному полу собора	5
2. Простуженно захныкала шарманка	5
3. Мы на земле стоим обеими ногами	6
4. Только опыта форма — времяя	6
5. Он брел, качаясь, сквозь века	7
6. И все ж рождаешь ты	7
7. За окном вагона день	8
8. Это было, сбылось и отбыло	9
9. Там, в глубине таинственной колодца	10
10. Пробьет твой час	10

Русь и Рассея — оседлая и кочевая

1. Вяжицкий монастырь близ Новгорода	13
2. Заржали полоротые холопы	14
3. Вдоль аллей пылают георгины	14
4. Вяжет бабушка платок	15
5. В жестокий мир ныряет поцелуй	15
6. Отплыл в седые кудри морей	16
7. Сосновый дух в полене не остыл	17
8. Ухожу в серебряные дали	17

9. Ставка бита. Дон-Кихот вздыхает	17
10. Мерцает ночник. Коптит ночник	18
11. Города, города, города	19
12. Предвечный Глас вострубит дважды	19
13. Сгребают граблями иззябшую листву	20
14. Ты цыганская, до отчаяу	20
15. В квадриге тяжкой быстрые, как мысль	21
16. Нет, тебя мне не унять	21

Мимолетности

1. В огне времен сгорит мой тихий голос	25
2. Ленивая душа — и звезды-скрипки	25
3. Журчит рояль докучно-говорливо	25
4. Зачирикали, запиликали	26
5. Не заумь — ум	26
6. Вот получил. Не лепестки, а пыль	27
7. Как оттиск букв	27
8. Только так: всегда и всюду	28
9. Опять, опять. А снег — все лепит	28
10. Далекий гул. Гремят о ребра волны	29
11. Щемящий звук родимой песни	29
12. Полновесно пели — или цели	29
13. Есть в слове «расставанье» пустота	30
14. Нет, живи, только живи	30

